Е.П.Матузкова

РОДНОЕ – ИНОСТРАННОЕ: ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТОВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Понятие культуры означает универсальное отношение человека к миру, через которое человек создает мир и самого себя. Каждая культура – это неповторимая Вселенная, созданная определенным отношением человека к миру и к самому себе. Иными словами, изучая различные культуры, мы изучаем не просто книги, соборы или археологические находки, - мы открываем для себя иные человеческие миры, в которых люди и живут, и чувствуют иначе, чем мы. Культура есть «реализация человеческого творчества и свободы» [6, 15], отсюда – многообразие культур и форм культурного развития. Поэтому постижение иных культур обогащает нас не только новым знанием, но и новым творческим опытом.

В качестве отрасли науки о языке, непосредственно связанной с изучением культур, в последнее время все большее распространение получает лингвокультурология, которая исследует «определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой картины мира» [4, 125]. Лингвокультурологические исследования взаимосвязи языковой, культурной (понятийной, концептуальной) и реальной картин мира представили интересные наблюдения и результаты. Среди них вывод о том, что русский язык свидетельствует о повышенной эмоциональности, сентиментальности, сердечности русской души, русского национального характера [5; 10; 9; 12]. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, возможность выбора между ты и вы, наличие грамматических категорий одушевленности-неодушевленности – вот далеко не полный список того, что отражает и формирует повышенную эмоциональность русского народа, его особую связь с природой.

Этот вывод подтверждает и такая черта русского национального характера как открытый патриотизм. словесно выраженная любовь к родине: «Обращение к Родине-матери, отчизне, к матери сырой земле, к России как носительнице высших ценностей (Святой Руси) предстает устойчивой доминантой национального сознания» [8, 108]. Особенно ярко эта черта проявляется при сопоставлении русского языка с английским. Действительно, русский язык изобилует эмоционально-окрашенными словами, обозначающими место рождения человека, страну, где человек родился: *родина, родная страна, отечество, отчизна, родимая сторонка, родина-мать, мать-земля.* Эти слова и сочетания с ними имеют положительные коннотации, делают речь более эмоциональной, стилистически разнообразной [9].

Всем этим широкоупотребительным словам в английском языке соответствуют два выражения: нейтральное *(mother, home) country* и литературно-книжное, официальное *native land. Человек без родины – a man without a country, любовь к родине – love of country, за Бога, царя и отечество – for King and country, соотечественник - countryman, иметь заслуги перед родиной – to deserve well of one's country, мое отечество – this country* [17; 19; 20; 25].

Для русского человека характерно очень личное и открытое (в словесном плане) эмоциональное отношение к *родине-матушке,* к *святому отечеству.* В английском существуют слова *motherland* и *fatherland* (они зафиксированы в Oxford Reference Dictionary, Longman Language Activator), но практически никогда не употребляются англичанами о своей собственной стране. *Fatherland* употребляется, когда речь идет о Германии [26, 508].

Еще одно языковое явление, свидетельствующее обо всем сказанном выше: по-русски *наша страна*, а по-английски *this country*: англичане в соответствии со своим национальным характером проявляют обычную сдержанность и в отношениях со своей родиной, называя ее нейтрально и подчеркнуто отдаленно. По-русски о своей стране можно сказать *эта страна* только в резко негативном контексте (например, *в этой стране жить невозможно*).

Обратимся теперь к пословицам и поговоркам – тому слою языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа. Количество и качество идиом можно считать показателем отношения нации к миру через ее культуру и язык. Русский язык богат пословицами и поговорками, отражающими любовь к Родине, патриотизм:

На чужбине родная землица во сне снится.
Всякому мила своя сторона.
В нашей стране реки полноводны, в нашей стране земли полнородны.
Где кто родится, тот там и годится.
Глупа та птица, которой гнездо свое не мило.
Жить – Родине служить.
И кости по Родине плачут.
Кто любит Родину и народ, тот настоящий патриот.
Не расти траве на Неве-реке, не владеть чужим землей русской.
Нет ничего на свете краше, чем Родина наша.
Родина-мать – умей за нее постоять.
Родина превыше всего.
Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет.
Своя земля и в горсти мила.
С родной стороны и ворона мила.
Умереть можно, а изменить Родине нельзя.
Человек без Родины – что соловей без песни.
Родимая сторона – мать, чужая – мачеха.

[18, 12-13].

Думаем, что этот список можно продолжить. В английском языке находим только три пословицы, да и те со словом *home*, которое у англичан ассоциируется не только с домом, но и с Родиной:

East or West, Home is best.
There is no place like home.
Dry bread at home is better than roast meat abroad. [21, 108]

Как пишет Джереми Пэксмен в своей книге об англичанах, *'Home' is what the English have instead of a Fatherland. The notion of a VATERLAND or PATRIE is too hedged around with a sense of the importance of the state and ideas of race and breeding* [15, 140]. Об этом же говорят и авторы учебного пособия «Межкультурная коммуникация»: *Дом наиболее близок по значению к русскому понятию «Родина» и английскому «homeland"* [8, 167].

Итак, у англичан, в отличие от русских, другие отношения со своей страной – пылкое, открытое словесное выражение любви, пусть даже и к родине, не свойственно англичанам. Они более сдержаны в проявлении открытой любви, чем русские, у них не близко-интимные, родственные отношения, а, скорее, рациональные, что вполне укладывается в стереотипы соответствующих национальных характеров и объективно подтверждает их.

В этом отношении очень показателен пример, который приводит в уже упоминавшейся нами раннее книге «*Англичане. Портрет Нации*» Джереми Пэксмен. И хотя в этом примере сопоставляется британская и французская культура, он наглядно иллюстрирует высказанные ранее положения. Газета «Таймс Эдьюкейшн Саплемент» опубликовала результаты опроса восьмисот пятидесяти детей в возрасте от десяти до одиннадцати лет, которых попросили высказаться о своем отношении к родной стране: одобряют ли они утверждения типа «я очень горжусь тем, что я француз / англичанин». 57 % французских детей безоговорочно согласились с этим предложением по сравнению с 35 % английских детей. Когда их попросили подробнее рассказать о своих чувствах, то дети-англичане, приводили предложения типа: *It's not too hot or cold, we have clear food and water... English people are good and healthy... being an independent country ... Manchester United come from England* и так далее. Французские дети же говорили о *'notre beau pays' (наша прекрасная страна), 'parce qu'on est libre (потому что каждый свободен), nous sommes toux égaux (мы все равны)*. Один даже написал *Car la France est un pays magnifique et démocratique et accueillant (потому что Франция – замечательная, демократическая и гостеприимная страна*).

Различие в суждениях английских и французских детей интересное и примечательное. К одиннадцати годам у английских детей развились прагматические навыки, навыки дискуссии (вопросно-ответные), в то время как их французские сверстники просто-напросто цитировали клишированные фразы-лозунги. [15, 19].

Объяснение этому нам видится в том, что все общества в мире делятся по мере рефлексии, т.е., по мере того, насколько рационально они оценивают мир. Протестантские страны – Голландия, Англия, Соединенные Штаты – это культуры рефлексивные, рациональные. Анализ является их важной частью. Там всегда было нормальной практикой, когда в семье вслух читали Библию по главам, а потом разбирали, что Бог говорит нам в этом отрывке, что означает эта притча (см., например, об этой традиции в книге В.Томберга «Антропософские рассмотрения Ветхого Завета») [11]. У них формируется в семье культура дискуссии, культура рацио-

нального анализа. Дмитрий Аксёнов в своей статье «Так проиграем Русский путь», опубликованной в «Огоньке», приводит следующий пример: «Как-то на одной из конференций меня поразило выступление немца. Он рассказывал, что после войны у них в школах (Западной Германии) повсеместно преподавали англичане. Они учили их культуре дискуссии и логике. И это была часть специальной программы по выводу Германии из нацистского прошлого, включения в демократическое общество. Детей специально учили формулировать свою точку зрения и принимать чужую. Это то, чего нам сегодня фундаментально недостаёт» [1, 25]. В свете последней фразы, можно с большой долей уверенности предположить, что, если бы на месте французских школьников оказались наши советские (у наших современных постперестроечных школьников совсем другое отношение к Родине и патриотизму, но это уже тема другого исследования), то их ответы были, может быть, ещё более «парадными» и «транспарантными».

Другая характерная черта англичан, выражаемая в английском языке, заключается в том, что у британцев любовь к Родине выражается косвенно через нескрываемую антипатию к иностранцам и всему иностранному. Джулиан Барнс в книге «Англия, Англия» – своеобразной авторской энциклопедии стереотипных представлений об Англии – отмечает эту особенность английского национального характера: *суть в том, что неясно, как рекламировать англичан. Приезжайте познакомиться с представителями народа, который ... славится на весь мир своей холодностью, снобизмом, эмоциональной отсталостью и ксенофобией*... [2, 146].

Авторы книги «Эти странные англичане» констатируют не только факт существования ксенофобии, но и приводят причины ее появления в английском национальном характере: *ксенофобия – это национальное свойство англичан, которое постоянно проявляется в культуре их страны. И не без причин. Ведь для англичан все наиболее сложные и неприятные жизненные проблемы сосредоточены в одном-единственном понятии: иностранцы* [7, 5]. Джереми Пэксмен объясняет это отношение – от безразличного и снисходительного до открытой ненависти – другой причиной:

The adage is that geography makes history. It would be hard to exaggerate the importance of the fact that they are islanders to the mentality of the English. This insularity gave the English a great self-confidence, but it did nothing for their sophistication. It is hard to escape the conclusion that, deep down, the English don't really care for foreigners. To them the European continent is a place of nothing but trouble and that their greatest security is behind the thousands of miles of irregular coastline around their island home [15, 33].

Это подтверждается словами В.Шекспира в «Ричарде II», когда он говорит:

This fortress built by Nature for herself
Against infection and the hand of war,
This happy breed of man, this little world;
This precious stone set in the silver sea,
Which serves it in the office of a wall,
Or as a moat defensive to a house [16, 123].

В этом понимании Англии, ее самая первая привилегия – быть изолированной от остальной Европы. Вообще, островное положение страны явилось решающим фактором формирования английского самосознания: *Seabound Security gave the English an early self-confidence and their relative isolation promoted the growth of an idiosyncratic intellectual tradition* [5, 34]. Это формирование начиналось еще в детстве с чтения книг популярной детской писательницы Энид Блайтон о приключениях подростков на острове Кирин и продолжалось дальше: «Остров сокровищ» Стивенсона, «Приключения Робинзона Круза» Д.Дефо, «Коралловый остров» Бэллентайна, «Повелитель мух» У.Голдинга, «Утопия» Мора. В английской литературе можно найти множество произведений, действие которых разворачивается на острове, поскольку в сознании английского писателя любой остров подсознательно ассоциируется с родной страной.

Свидетельством отношения англичан к иностранцам могут также служить следующие два примера из английской литературы. Джон Мильтон в своем эссе "The Doctrine and Discipline of Divorce" хвастался: *Let not England forget her precedence of teaching nations how to live.* Джордж Оруэлл в 1940 году писал, что, как правило, все иностранцы любой расы похожи и более или менее точно соответствуют следующим стереотипам в глазах англичан:

Frenchman: Wears beard, gesticulates wildly.
Spaniard, Mexican, etc: Sinister, treacherous.
Arab, Afgan, etc: Sinister, treacherous.

Chinese: Sinister, treacherous. Wears pigtail.
Italian: Excitable. Grinds barrel-organ or carries stiletto.
Swede, Dane, etc: Kind-hearted, stupid.
Negro: Comic, very faithful.

(G.Orwell: Boys Weeklies // Horizon, March 1940, цитируется по 15, 36).

Итак, для англичан характерно ощущение отдаленности от остального мира, замкнутость, обособленность. На остальной мир они смотрят как бы сверху и со стороны и либо посмеиваются (*funny foreigners* – клишированное выражение в английском языке), либо проявляют снисходительное любопытство, либо прямо и открыто ненавидят, как французов (*...берегитесь, туземцы начинаются с Кале* [2, 9]).

Все эти оттенки отношений находят свое отражение в английском языке. Слова *foreign*, а особенно *foreigner* имеют, как правило, отрицательные коннотации: *foreigner – a word sometimes used in an impolite or disapproving way meaning someone who comes from another country* [22, 518]. Эти слова употребляются в основном в отрицательных контекстах. В иллюстративной фразеологии английских словарей *foreigner* предстает явно в негативном свете. Из компьютерной базы данных словарной редакции издательства "Longman" было извлечено более 500 контекстов со словом *foreigner*. Как и можно было предположить, более половины из них негативны по отношению к иностранцам, хотя это всего лишь механически вырванные из текста отрывки фраз (Данные Тер-Минасовой, см. [8, 185]).

Крупнейший английский драматург Том Стоппард в одной из недавних пьес вложил в уста своего героя, известного специалиста по античной поэзии, весьма пренебрежительную оценку римских поэтов: *Romans were foreigners who wrote for foreigners two millenniums ago*. Это напоминает известный анекдот об английской даме, которая во время пребывания в Венгрии говорила о венграх, презрительно называя их *these foreigners*. Когда ей осторожно и вежливо объяснили, что в Венгрии она сама иностранка, дама очень удивилась и ответила, что поскольку она англичанка, она никогда не может быть иностранкой, это весь остальной мир – иностранцы.

Эти оттенки неприязни так сильны, что американский вариант английского языка, более ориентированный на политическую корректность, уже ввел в обиход эвфимизмы *alien* или *newcomer*, а словосочетание *the faculty of foreign languages* вытеснено в современном английском языке более нейтральным: *the faculty of modern languages*. Студентов-иностранцев в англоязычных университетах называют *overseas students*.В этом плане показательны различия между английским и русским языком как отражение различий между соответствующими национальными характеристиками.

Русскому национальному характеру свойственны повышенный интерес, любопытство, доброжелательство и, иногда, преклонение перед иностранцами и иностранным образом жизни, культурой. Соответственно слова *иностранный* и *иностранец* не имеют изначально присущих независимо от контекста отрицательных коннотаций.

Помимо слова *foreigner* в английском языке существуют выражения, в которые включен вербальный компонент обозначения той или иной нации. Большинство из них имеют отрицательное значение и обозначают негативные явления. Самую многочисленную группу составляют выражения со словом *"French"*. Англичане, особенно средний и высший классы, любят Францию: им особенно нравятся женщины, еда, вино, климат. Однако они не любят самих французов – их ближайших континентальных соседей: *...hatred for foreigners, particularly the foreigners most readily to hand, the French, could be taken in almost with a mother's milk* [5, 37]. Словарь Брьюера (Brewer's Dictionary of Phrase and Fable) фиксирует следующую дефиницию слова *French: the national adjective has come to have sexual or at any rate 'naughty' connotations* [22, 467].

В английском языке неприличные надписи и рисунки называются French postcards *или* Frenchprints, *женщины легкого поведения* – French Consular Guides. *Если мужчина пользуется услугами этих женщин, он, по выражению англичан,* takes French lessons. *О том, кто при этом заразился сифилисом, англичане скажут, что он подхватил* The French disease, French gaut, French pox, French marbles, French aches *или* has been paid a French compliment. *Когда эта болезнь обостряется, и у человека появляются осложнения, англичане используют слэнговые выражения:* to be badly 'Frenchified', to breath through a French faggot-stick. *Чтобы защититься от всей этой напасти мужчина должен использовать презерватив* – a French letter, French safe *или просто* French (*если этот мужчина не француз, в противном случае он использует* a capote anglaise).

Английский язык также отражает существовавшую общую тенденцию приписывать любое плохое или странное поведение французам. Когда англичанина спрашивают, нравится ли ему бифштекс, он может ответить, ссылаясь на ненадежность французов: *Done like a Frenchman – turned and turned again.* Ироническое выражение *to assist in the French sense* обозначает присутствовать, но не помогать.

Англоязычный воровской жаргон (cant) обозначается словочетанием *Pedlar's French.* О человеке, который застрелил фазана в запрещенный для охоты сезон, презрительно скажут: *he killed a French pigeon.* Англичане все еще просят извинения за произнесенную грубость говоря, *Excuse (pardon) my French. French leave* – уход без прощания, незаметный уход, недозволенное отсутствие [17; 20; 22; 23; 25; 26; 27]. Французы подверглись этим дерогативным словесным оценкам потому, что они были заклятыми, вечными врагами. Но не единственными. Следует заметить, что когда Англия воевала с Испанией, сифилис назывался *the Spanish pox,* а коррупция – *Spanish practice*. Когда в XVII веке голландцы стали основным торговым и военным соперником, англичане изобрели фразы типа *double Dutch* – тарабарщина, галиматья; *Dutch courage* – пьяная удаль, море по колено; *Dutch comfort* – слабое утешение; *in Dutch* – в неприятном, трудном положении, в немилости; *I'm a Dutchman, if* – будь я проклят, если; *to take to someone like a Dutch uncle* – сердито выговаривать кому-либо, выказывать сильное недовольство; *Dutch concert* – концерт, в котором певцы поют разные песни в одно и то же время, или любой сильный шум, гам, подобный тому, который устраивали пьяные голландцы, *Dutch bargain* – сделка, завершенная выпивкой; *Dutch defence* – защита для видимости.

Несмотря на то, что немцы были противниками англичан в первой и второй мировой войне, суждения англичан относительно немцев более мягкие. Они считают, что немцы отличаются организованностью, несколько избыточной серьезностью и определенной склонностью всех задирать, к тому же они не умеют вкусно готовить [7, 10]. В исследованных словарях нам не удалось обнаружить выражений со словом *German*, несущих негативную, да и вообще какую-нибудь, оценку по отношению к немцам (название такой болезни, как корь *German measles,* не считается).

Англичане испытывают нечто вроде родственных чувств к австралийцам и канадцам, хотя их смущает некоторая несдержанность и простота первых и озлобленность постоянными снегопадами и чрезмерной близостью к Америке последних. Английский язык обнаруживает полное отсутствие выражений, включающих обозначение этих наций в негативном аспекте.

Наибольшую толерантность, и может быть даже любовь, англичане выказывают по отношению к американцам. Как пишут авторы книги «Эти странные англичане», англичане считают американцев тоже англичанами, только превратившимися во что-то непонятное в результате неудачного стечения обстоятельств и всеобщего недопонимания. И, разумеется, американцы были бы куда счастливее, если б только у них «хватило ума повернуть вспять». К тому же, тогда бы уж они точно снова заговорили на Правильном Английском Языке! [7, 11]. Лингвострановедческий словарь реалий «Великобритания» даже фиксирует такую реалию, как *special relationship* – особые отношения (между Великобританией и США; выражаются, в частности, в тесном сотрудничестве этих стран во внешнеполитической и военной области и основаны на общности языка, военно-политических и иных целей и интересов) [27, 453-454]. Дружба с Америкой, как считают англичане, спасла Англию во времена Второй мировой войны, когда страна осталась в одиночестве:

Certainly, without the relationship with the United States, there was no guarantee of any successful outcome to the war. But in the longer term, the alliance enabled the British to delude themselves that they remained an independent power in the world. Characteristically, what the British had seen as "independence" was merely independence from the rest of Europe. The relationship with the US was merely one of being free to do as they pleased... [15, 40]. Тем не менее, англичане испытывают сегодня к американцам "сложный комплекс чувств, от ревности к их успехам до пренебрежительного отношения к отсутствию глубины и культурности, характеризующей, с их точки зрения, среднего американца" [8, 163]. Это недовольство объясняется тем, что Англия во второй половине XX века уступила статус ведущей мировой державы Америке и превратилась в ее младшего политического партнера.

Примечательно, что, хотя Россия и была военным противником Англии в Крымской войне, выражений со словом *Russian*, имею-

щих негативную окраску, в английском языке не существует. Англоязычные словари фиксируют такие выражения как *Russian boot* (сапог, свободно облегающий икру), *Russian roulette, Russian salad* (овощной салат оливье), *Russian tea* (чай по-русски с лимоном и сахаром), *White Russian* - 1) белоруссы; 2) белогвардейцы.

В контексте рассматриваемой темы следует отметить, что сегодня отношение англичан к иностранцам и иностранному постоянно меняется, что также отражается в английском языке. Выражение *Little Englander* употреблялось раньше сторонниками расширения Британской империи как пренебрежительное прозвище противников новых колониальных захватов. В современном употреблении выражение *Little Englander* обозначает пренебрежительное прозвище англичанина, который считает все английское самым лучшим и не любит или не доверяет людям из других стран [23, 770].

Стандартные представления одной нации о другой все чаще высмеиваются и в современной английской художественной литературе, в частности, в произведениях лауреата Букеровской премии Дж.Барнса. Этот «самый французский из английских юмористов» [3, 272] стремится разрушить привычные стереотипы. По его мнению, постоянно сталкиваясь и тесно общаясь со своими культурными антагонистами, отбросив стереотипные представления о них, а значит, и о себе, англичане начинают лучше понимать самих себя. Культура же, изолированная, замкнутая в себе, даже для жителей этой страны, которой она принадлежит, становится не больше чем набором мертвых штампов (об этом – роман «Англия, Англия»).

Итак, любовь к родине как черта национального характера у русских выражается в языковом плане открыто, набором широко употребительных эмоциональных синонимов, а в английском языке – очень сдержано и, косвенно, в форме нелюбви к неродному, иностранному, вообще, и к французам, голландцам, испанцам как бывшим историческим соперникам, в частности.

Поскольку каждая культура осознает себя через противопоставление с другой, представляется перспективным дальнейшее рассмотрение английской культуры через призму ее непростых отношений с другими культурами, так как именно таким образом она и может быть «увидена» наиболее отчетливо. В частности, предполагается исследовать способы выражения концепта «иностранное» в английском, русском, украинском и французском языках на материале словарей и текстов из художественной и публицистической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов Д. Так проиграем. Русский путь // Огонек. – Вып.18.– 2002. – С.22-25.
2. Барнс Дж. Англия, Англия: Пер. с англ. С.Силаковой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 350 с.
3. Бондарчук Д. Через Ла-Манш и обратно // Иностранная литература. Вып. 7. – М.: Иностранная литература, 2002. – С. 272-275
4. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. – Т.2. – Братислава, 1999. – С. 125-128.
5. Карлсон Х.И., Степаненко В.А. Функциональность фразеологических выражений со словом «душа» в русском и немецком языках: Лингвистический и дидактический аспекты // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. – Т.2. – Братислава, 1999. – С. 143-160.
6. Культурология: Учебное пособие / Составитель и ответств. Редактор А.А.Радугин. – М.: Центр, 1999. – 304 с.
7. Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. Перевод с английского. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001. – 72 с.
8. Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. – Нижний Новгород, 2001. – 307 с.
9. Телия В.Н. Наименование Родина как часть социального концепта “Patria” в русском языке // Языковая категоризация. Материалы Круглого Стола, посвященного юбилею Е.С.Кубряковой, по тематике ее исследования. – М., 1997. – С. 77-79.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
11. Томберг В. Антропософские рассмотрения Ветхого Завета. – М.: Пилигрим, 1998. – 271 с.
12. Трестерова З. Некоторые особенности русского менталитета и их отражение в некоторых особенностях русского языка // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. – Т.2. – Братислава, 1999. – С. 179-183.
13. Экономакис Э. Какие мы разные! - СПб.: КАРО, 2001. – 224 с.
14. George Bush and axis of evil // The Economist/ - February 2nd – 8th, 2002 – С.13-15.
15. Paxman J. The English. A Portrait of a People. – Penguin Books Ltd., 1999. – 308 с.
16. Shakespeare W. Richard II // Shakespeare’s Masterpieces. – New York: Books, Inc., 1973. С.100-197.

17. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
18. Мудрое слово. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Детгиз, 1957. – 280 с.
19. Новый большой русско-английский словарь в трех томах. Под общ. рук. П.Н.Макурова, М.С.Мюллера, В.Ю.Петрова. – М.: Лингвистика, 1997. – 3260 с.
20. Новый большой англо-русский словарь в трех томах. Под общ. рук. Ю.Д.Апресяна. М.: Русский язык, 2001. – 2484с.
21. Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей / М.В.Буковская и др. – М.: Рус. яз., 1985. – 232 с.
22. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. Millennium edition. – Cassell & Co, 2001. – 1298 p.
23. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman, 1998. – 1568 p.
24. Longman Language Activator. – Longman, 1996. – 1587 p.
25. Muller V.K. English-Russian Dictionary. – M.: Russian Language Publishers, 1977. – 888 p.
26. The Oxford English Reference Dictionary / Ed. by J.Pearsall, B.Trumble. – Oxford, New York: OUP, 1995. – 1764 p.
27. Room A.P.W. Dictionary of Great Britain. – M.: Russky Yazyk Publishers, 1999. – 560 p.